

Михаил Волконский

ЖАННА ДЕ ЛАМОТ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В67

Волконский, М.

В67 Жанна де Ламот / М. Волконский. — М. : Т8RUGRAM, 2018. — 346 с.

ISBN 978-5-521-06073-3

Михаил Николаевич Волконский (1860–1917) – русский писатель и драматург, получивший признание благодаря своим историческим и пародийным произведениям.

Жанна де Ламот – одна из величайших авантюристок, роковая красавица и коварная соблазнительница, ставшая прототипом героинь великих романов. Читателя ждут захватывающие приключения и раскрытие тайны известной похитительницы бриллиантов, на теле которой выжжено клеймо – знак королевской лилии.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

Семь цветов радуги	5
Желтый.....	9
Аукцион	16
Орест Беспалов.....	22
Рассказ Ореста	27
Тень прошлого	33
Месье Орест опять нездоров	41
Одиночество.....	46
Наследник кардинала Аджиери	52
Мнимая графиня Савищева.....	55
Мыза в Голландии.....	58
Дивная встреча.....	63
Решение	66
Тайна молитвенника.....	70
Заседание.....	75
Новые приятели	80
Старые знакомые.....	86
Те же и княгиня.....	91
Белый	102
Глава, из которой ясно, что Борянский незнаком с химией	111
Вор.....	120
Расписка кардинала.....	129
Дело запутывается	134
Праздник у графа Прозоровского	140
Княгиня Мария Сан-Мартино.....	148
Уголок Италии в Петербурге.....	153
Желтый сок травы	162

Первое дело	168
Второе и третье дело	174
Психология	179
Семейный совет	185
Все, что нужно было Жанне	191
Забытый платок	197
Медальон	203
Общественный маскарад	210
Белое и черное домино	220
Как жилось в богатом доме Дука	225
Отсрочка платежа	233
Глава, в которой происходит то, что гораздо более важно, чем кажется сначала	240
В чем заключалась важность предыдущей главы	246
Супружеская сцена	250
Все дороги ведут в Рим	255
Тайный доброжелатель	260
Объяснение	267
Три двери гостиной	273
Он расскажет.... ..	278
Нет, это – правда	282
Святая сумма	287
Выгодный оборот	292
Еще платок	296
Медальон графини Косунской	304
Мсть	309
Последняя ставка	317
Глава, пока еще не совсем понятная	324
Что значили слова Тиссонье?	329
7 мая 1801 года	333
Итоги	338
Заключение	343

СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ

Летом 1808 года России приходилось воевать на два фронта: на севере с Швецией, и на юге с Турцией, но Петербург, несмотря на то, что стал почти театром северо-восточных действий, который был очень близок к нему, продолжал жить своей обыкновенной столичной жизнью, мало даже отличавшейся от зимней, потому что двор никуда не выезжал на дачу...

Государь император Александр I жил на Елагином острове, в летнем маленьком дворце, бывшем доме масона Елагина, где, как говорили, сохранилось все, что касалось масонства.

Наиболее богатые из общества разместились на островах — на Каменном и на Крестовском, в особенности те, кто имел тут свои дачи, и на Черной речке, считавшейся тогда самым аристократическим летним местопребыванием.

Здесь деревянные дома были построены на манер каменных, в так называемом «итальянском вкусе», окружены цветниками и подстриженными деревьями, а в прозрачные тогда воды Черной речки гляделись сентиментально-поэтические плакучие березы, опускавшие свои ветки над гранитными урнами, статуями и плитами с таинственно загадочными надписями.

Такова тогда была мода.

В средних числах июня к одному из таких домов на Черной речке подъехала карета, и из нее вышел господин в летнем полосатом фраке — наиболее употребительной тогда одежде — с высоким жабо и в круглой шляпе с большими полями.

Он поднялся по ступенькам крыльца твердою, уверенной походкой и, когда, увидев его, сейчас же выбежали два лакея сюда, оба в ливреях и в пудре, спросил у них:

— Аркадий Ипполитович Соломбин дома?

Лакеи удивленно оглядывали господина, как совершенно незнакомого и с первого взгляда не внушавшего особенного доверия.

В самом деле, хотя его костюм и легкая английская карета были безукоризненны, то тем страннее казались на таком господине огромные синие очки целиком, почти с бровями, закрывавшие его глаза, и, главное, неприятно поражали пряди жестких рыжих волос, ниспадавших из-под полей его шляпы.

Такой щеголь, каким был одет господин, приехавший в английской карете, должен был, по тогдашней моде, во-первых, коротко стричь свои волосы, а, во-вторых, носить никак не синие очки, а изящную золотую лорнетку...

Лакеи замялись, но все-таки старший из них спросил заинтриговавшего их приезжего:

— Как прикажете доложить?

— Доложи: — Иван Михайлович Люсли, — приказал господин.

Лакей, видимо никогда не слыхавший такой фамилии, снова выказал сомнение.

Тогда господин, называвший себя Иваном Михайловичем Люсли, достал бумажник, вынул оттуда визитную карточку, дал ее лакею и велел отнести.

Эта визитная карточка оказалась не совсем обыкновенная, она была отпечатана фиолетовою краскою и в углу ее стояли буквы: «В. П. О.»

Лакей, отправившийся докладывать с карточкой, вернулся так быстро, как только мог, и кинулся к гостю с такой предупредительностью, что сразу было видно, что хозяин просить велел.

Не успел господин Люсли снять свою шляпу, как на встречу ему показался Аркадий Ипполитович Соломбин, человек весьма привлекательной наружности с мягкими, красивыми манерами.

— Милости прошу, добро пожаловать, — заметил он на великолепном французском языке, на котором не только говорили, но и думали в аристократическом русском обществе тогда. И он с поспешностью повел приезжего, показывая ему дорогу: — Сюда, сюда, пойдете ко мне в кабинет, — пригласил он, растворяя дверь.

Люсли следовал за ним, не меняя выражения лица, казавшегося совсем неподвижным благодаря огромным своим очкам.

Они вошли в кабинет.

Соломбин учтиво усадил своего гостя в кресло и стал приглядываться к нему, как будто видел его в первый раз.

Так оно и было на самом деле. Соломбин видел Ивана Михайловича Люсли впервые в своей жизни, но должен был встретить его и принять как знакомого и даже желанного гостя по его лиловой визитной карточке и по стоявшим на ней буквам «В. П. О.»

Люсли сел, подождал, пока сядет Соломбин, и тогда начал разговор — довольно странный и совершенно непонятный для человека, не посвященного в тайну, по видимому, известную только им обоим.

Но они-то отлично понимали друг друга!

— Вы знаете, что красный цвет весьма близок к фиолетовому, — сказал Люсли и взялся за борт своего фрака.

— Красный, смешанный с синим дает фиолетовый, — спокойно ответил Соломбин, улыбнулся и, как будто случайно, три раза закрыл и открыл правый глаз.

— Синий тут ни при чем. Я говорю про красный, — возразил Люсли, вынул из кармана лиловую кокарду и нацепил ее себе в петлицу.

Тогда Соломбин встал и надавил какую-то пружинку, достал маленький ящик из бюро, достал оттуда кокарду красного цвета и тоже надел на себя.

— Я вижу, что вы именно тот, к кому у меня дело, — успокоительно произнес Люсли.

— Я не показал бы вам этого, если бы не убедился, что вы, в самом деле, тот, который может иметь ко мне дело, — заметил Соломбин.

— Рыжий Люсли наклонил голову.

— Вы являетесь одним из семи цветов радуги — Красным.

— А вы — Фиолетовым...

— Совершенно верно. Остаются еще пять.

— Пять, но на самом деле четыре...

— И это верно. Мне известно, что прежний Желтый «выцвел», как принято выражаться между нами. Но я должен успокоить вас: взамен прежнего найден новый Желтый в Петербурге...

Соломбин пожал плечами, как будто хотел сказать, что это вовсе не касается его.

— Остальные четыре, — продолжал Люсли, — поручаются вам. Я приехал к вам с просьбой, чтобы вы известили Синего, Оранжевого, Голубого и Зеленого, что мы должны собраться в четверг в восемь вечера.

Соломбин ничего не возразил, только спросил:

— Где?

Люсли дал ему подробный адрес.

ЖЕЛТЫЙ

— Однако, — сказал Соломбин, — все мы, насколько мне известно, должны собираться не иначе как под председательством того, кто объединяет нас всех, то есть все семь цветов в одно — то есть Белого, — пояснил он Люсли.

— Ну да, Белого. — Утвердительно кивнул головой Люсли и промолвил:

— В четверг у нас будет председательствовать новый Белый, присланный нам из Парижа.

Соломбин встрепенулся.

— Новый Белый? — переспросил он.

— Ну, да.

— Присланный из Парижа?

— Да.

— Значит, иностранец?

— Не знаю.

— Наверное, иностранец. Во всяком случае, если он прислан нам из Парижа, то уже не может быть из тех, которые действовали здесь прежде. Я не знаю, насколько это хорошо для нашего дела! По-моему, надо выбирать в качестве руководителя известное в стране лицо, обжившееся там и знакомое с бытом и нравами, что может тут сделать присланный из Парижа, не только не знакомый, может быть, с Петербургом, но и о России-то ничего не знающий и воображающий, что у нас по улицам ходят белые медведи?.. Я об этом посылаю в Париж две мемории... Вы были в Париже?

— Я только что оттуда.

— Не слышали ничего, как там смотрят на меня?

— Нет, не слыхал, да и вообще не считаю себя вправе вступать в какие-нибудь обсуждения, — коротко и сухо проговорил Люсли. — Мне поручено передать вам, чтобы вы сообщили о собрании Синему, Голубому, Оранжевому и Зеленому и сами приехали. А если хотите что-нибудь сообщить об общем деле — сделайте это на собрании...

И с этими словами Иван Михайлович Люсли встал, поклонился и направился к двери.

Соломбин не настаивал на продолжении разговора и проводил гостя до самой прихожей.

Люсли сел в карету, посмотрел на часы и велел везти себя на Гороховую.

С Черной речки на Гороховую путь был неблизкий, но отличные лошади бежали быстро, и Люсли, сидя в карете, не выказывал признаков нетерпения.

Напротив, покачиваясь на мягких рессорах дорогого экипажа, он смотрел в окно по сторонам с нескрываемой, почему-то торжествующей улыбкой и ехал по Петербургу с видом победителя.

Петербург того времени, то есть самого начала прошлого, девятнадцатого, столетия, не представлял собой той громады камня и железа, каким он является теперь, а потому не был летом так душен и тяжел, как теперь.

Деревья садов, давно уже вырубленных теперь и застроенных, освежали воздух своею зеленью, воды Мойки, Фонтанки и каналов не были загрязнены и казались прозрачными; вдоль всего Невского проспекта тянулись два ряда деревьев, зеленевших и превращавших тротуары в бульвары...

На Гороховой дома тоже перемежались с заборами, из-за которых свешивались ветви, но все-таки улица была пыльная и грязная.